

**ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КНР И РФ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
ЭФФЕКТИВНАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
КАК ДОСТАТОЧНОЕ УСЛОВИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

БОЛЬШАКОВ Андрей Георгиевич

доктор политических наук, заведующий кафедрой
международных отношений, мировой политики и дипломатии,
Институт международных отношений, истории и востоковедения
Казанского (Приволжского) федерального университета

E-mail: bolshakov_andrei@mail.ru

SPIN-код: 5910-2675

ORCID: 0000-0002-5036-000X

ТАНАЛИЕВА Индира Ержановна

магистрант, кафедра международных отношений,
мировой политики и дипломатии,
Институт международных отношений, истории и востоковедения
Казанского (Приволжского) федерального университета

E-mail: ind1aa@mail.ru

Для цитирования: *Большаков А.Г., Таналиева И.Е. Энергетический потенциал КНР и РФ в Центральной Азии: эффективная региональная политика как достаточное условие обеспечения энергетической безопасности // Ближний и Постсоветский Восток. – 2026. – № 2 (14). – С. 92–109. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2026.02.07.*

Аннотация. Статья посвящена анализу энергетического потенциала Российской Федерации и Китайской Народной Республики в Центральной Азии в контексте региональной политики и обеспечения безопасности. Регион рассматривается как ресурсная база, транзитный узел и пространство институциональной координации, где энергетические решения связаны с вопросами суверенитета, инфраструктурной связанности и межгосударственного регулирования. Парадигмальной рамкой исследования является неореализм, энергетика анализируется через призму взаимной уязвимости, сетевой интеракции и устойчивости режимов транзита. Методологически работа сочетает сравнительный политико-экономический анализ, анализ стратегических документов Российской Федерации и

КНР, а также кейс-подход на материале Казахстана, Узбекистана, Туркменистана, Киргизии и Таджикистана. Эмпирическая база включает материалы ЕАЭС и ШОС, данные Международного энергетического агентства, Управления энергетической информации США, ЮНКТАД и корпоративную отчетность. На основе сопоставления нефтяного транзита Казахстана, газового баланса Узбекистана и электроэнергетических перетоков гидрозависимых стран обоснован вывод о том, что устойчивость региональной энергетической системы определяется качеством межгосударственных процедур, совместимостью инфраструктуры и способностью адаптироваться к внешним ограничениям, технологическим зависимостям и климатическим рискам.

Ключевые слова: Центральная Азия, энергетическая безопасность, энергетический потенциал, региональная политика, Россия, Китай, ЕАЭС, ШОС.

Energy Potential of China and Russia in Central Asia: Regional Policy as Sufficient Condition for Ensuring Energy Security

Andrey G. BOLSHAKOV

DSc in Political Science, Head of the Department of International Relations, World Politics and Diplomacy, Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan (Volga Region) Federal University

E-mail: bolshakov_andrei@mail.ru

SPIN-code: 5910-2675

ORCID: 0000-0002-5036-000X

Indira Ye. TANALIEVA

Master's Student of the Department of International Relations, World Politics and Diplomacy at the Institute of International Relations, History and Oriental Studies of Kazan (Volga Region) Federal University

E-mail: ind1aa@mail.ru

For citation: Bolshakov A.G., Tanalieva I.Ye. (2026). Energy Potential of China and Russia in Central Asia: Regional Policy as Sufficient Condition for Ensuring Energy Security. *Middle & Post-Soviet East*, no. 2 (14), pp. 92–109. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2026.02.07.

Abstract. This article presents a comprehensive analysis of the energy potential of the Russian Federation and the People's Republic of China in Central Asia in the context of regional policy and energy security. The region is viewed as a resource base, transit hub, and space for institutional coordination, where energy decisions are linked to issues of sovereignty, infrastructure connectivity, and interstate regulation. The theoretical basis of the study is the concept of regional security complexes, which allows for an analysis of energy through the prism of mutual vulnerability, network integration, and the sustainability of transit regimes. Methodologically, the work combines a comparative political and economic analysis, an analysis of strategic documents of the Russian Federation and China, and a case study approach based on Kazakhstan, Uzbekistan,

Turkmenistan, Kyrgyzstan, and Tajikistan. The empirical base includes materials from the EAEU and SCO, data from the International Energy Agency, the US Energy Information Administration, UNCTAD, and corporate reporting. Based on a comparison of Kazakhstan's oil transit, Uzbekistan's gas balance, and the electricity flows of hydro-dependent countries, the conclusion is substantiated that the sustainability of a regional energy system is determined by the quality of interstate procedures, the compatibility of infrastructure, and the ability to adapt to external constraints, technological dependencies, and climate risks.

Keywords: Central Asia, energy security, energy potential, regional policy, Russia, China, EAEU, SCO.

Центральная Азия занимает в евразийской энергетике особое положение. Речь идет одновременно о пространстве добычи углеводородов, о зоне прохождения ключевых сухопутных маршрутов и о политическом контуре, внутри которого энергетические решения связаны с вопросами суверенитета, транзита, доступа к инфраструктуре и межгосударственной координации. По данной причине российское и китайское присутствие в регионе целесообразно рассматривать вне упрощенной схемы прямого геополитического столкновения. Более продуктивный ракурс связан с анализом двух моделей внешнего участия, каждая из которых строится вокруг собственной комбинации ресурсов, институтов, транспортных решений и долгосрочных обязательств. В документах Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) региональная кооперация изначально включает экономику, энергетику и транспорт, что задает для исследования необходимый институциональный фон¹.

Понятийный аппарат и теоретико-методологические основы исследования

Объект исследования образуют энергетические отношения Российской Федерации (далее – Россия) и Китайской Народной Республики (далее – Китай) с государствами Центральной Азии. Предмет исследования связан с политическими механизмами, через которые энергетический потенциал переводится в устойчивое влияние на региональном уровне: через межправительственные соглашения, правила доступа к инфраструктуре, транспортные проекты, кредитно-инвестиционные схемы, координацию в рамках интеграционных объединений и двусторонние режимы поставок. Исследовательская цель состоит в выявлении пределов, в рамках которых региональная политика может служить достаточным условием поддержания энергетической безопасности в Центральной Азии. Рабочая гипотеза формулируется следующим образом: в пределах регионального

¹ О Шанхайской организации сотрудничества // Официальный сайт ШОС. – 08.12.2015. – URL: <https://rus.sectesco.org/20151208/16789.html> (дата обращения: 26.02.2026).

контура устойчивость снабжения и транзита поддерживается прежде всего качеством межгосударственной координации, если она закреплена в инфраструктуре, в формальных правилах и в процедурах антикризисного взаимодействия. Проверка гипотезы опирается на три критерия: надежность поставок, предсказуемость транзита и способность участников согласованно реагировать на перебои.

Понятийная основа исследования требует строгого разведения трех категорий – «энергетический потенциал», «региональная политика» и «энергетическая безопасность». Под энергетическим потенциалом в рамках данной статьи понимается совокупность ресурсов, производственных мощностей, технологических компетенций, транспортной инфраструктуры, инвестиционных возможностей и институциональных инструментов, создающих устойчивую способность государства влиять на режимы добычи, поставок и распределения энергии за пределами собственной территории. Для анализа российской и китайской линий подобное определение принципиально, поскольку запасов сырья само по себе недостаточно для объяснения реального веса государства в регионе. В российской исследовательской традиции сходный подход давно связан с категорией энергетической дипломатии, где политическое влияние вырастает из сочетания ресурсной базы, экспортной инфраструктуры и договорно-правового оформления внешних связей². В работах по энергопотокам Центральной Азии аналогичный акцент сделан на маршрутах и конфигурации экспорта, а не на статистике запасов в отрыве от транспортной среды³.

Категория региональной политики в данном контексте охватывает устойчивую практику согласования интересов между государствами, вовлеченными в распределение энергетических потоков внутри Центральной Азии и на прилегающих направлениях. Сюда входят межгосударственные соглашения, механизмы тарифного и инфраструктурного доступа, форматы координации в интеграционных структурах, а также правила совместной реакции на кризисы снабжения. В праве Евразийского экономического союза (ЕАЭС) энергетический блок выстроен вокруг общих принципов и поэтапного формирования общих рынков электроэнергии, газа, нефти и нефтепродуктов. Статья 81 Договора о ЕАЭС⁴ закрепляет правовую основу общего электроэнергетического рынка, статьи 83 и 84 – направления по газу, нефти и нефтепродуктам, а текст Договора связывает

² Жизнин С.З. Основы энергетической дипломатии: учеб. пособие. – Москва: МГИМО-Университет, 2017. – 158 с.

³ Маркова Е.А. Энергетическая политика стран Центральной Азии: основные итоги. Проблемы постсоветского пространства. – 2020. – № 7 (3). – С. 365–372. – DOI: 10.24975/2313-8920-2020-7-3-365-372.

⁴ Договор о Евразийском экономическом союзе // Министерство экономического развития Российской Федерации. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/2bbbb9ae33443d533d855bf2225707e/Dogovor_ees.pdf (дата обращения: 26.02.2026).

такую координацию с задачами энергетической безопасности и с едиными правилами доступа к системам транспортировки. Для рассматриваемой темы подобный пласт имеет особую ценность, поскольку переводит разговор о «сотрудничестве» из политической риторики в плоскость конкретных обязательств и процедур.

Энергетическая безопасность в российской официальной трактовке определяется через состояние защищенности экономики и населения от угроз в сфере топливно-энергетического комплекса. Доктрина энергетической безопасности Российской Федерации 2019 г.⁵ фиксирует правовой статус понятия как элемента стратегического планирования и задает перечень рисков, включающий внешнее ограничительное давление, уязвимость инфраструктуры, технологические ограничения и сбои управления. Для сравнительного анализа одной российской дефиниции недостаточно, поскольку исследование охватывает разные политико-правовые системы. По данной причине рабочее определение дополняется подходом Международного энергетического агентства (МЭА; International Energy Agency – IEA), где безопасность связывается с надежным и доступным энергообеспечением, а круг угроз охватывает перебои поставок, киберриски, логистические разрывы, аварии и экстремальные погодные факторы⁶. Сочетание двух подходов создает более устойчивую аналитическую рамку: российская трактовка задает политико-правовой горизонт, международная – набор функциональных критериев для сопоставления.

Выбор теоретической рамки требует отдельного обоснования. Классический реализм и его структурные версии полезны для анализа соперничества крупных держав, распределения сил и борьбы за контроль над транспортными коридорами. Для центральноазиатской проблематики подобной оптики недостаточно, поскольку устойчивость энергетических режимов не сводится к балансу мощи. Внутри региона решающее значение имеют смежность территорий, связанность трубопроводных систем, состояние межсетевых соединений, регламенты транзита и политическая совместимость институтов. Теория региональных комплексов безопасности Б. Бузана и О. Уэвера⁷ лучше соответствует подобной конфигурации, поскольку рассматривает безопасность через плотность взаимной уязвимости внутри конкретного географического пространства. В логике данной теории кризис передается по каналам близости и инфраструк-

⁵ Доктрина энергетической безопасности Российской Федерации // Министерство энергетики Российской Федерации. – URL: <https://minenergo.gov.ru/ministry/energy-security-doctrine> (дата обращения: 26.02.2026).

⁶ Energy system // International Energy Agency. – URL: <https://www.iea.org/energy-system> (дата обращения: 26.02.2026).

⁷ Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 564 p.

турной сцепки; для Центральной Азии подобная постановка выглядит наиболее убедительно.

Применительно к теме статьи теория региональных комплексов безопасности важна по еще одной причине. Центральная Азия после распада СССР сохранила наследуемую связанность энергетических и транспортных систем, при которой отдельное решение по добыче, внутреннему балансу, экспорту или транзиту меняет параметры соседних государств. Для северной части региона особое значение сохраняют линии электропередачи и вопросы сезонного баланса, для западного и южного сегментов – трубопроводные маршруты и условия экспорта газа⁸. Отсюда следует логика, лежащая в основе всей статьи: энергетическая безопасность должна оцениваться через состояние регионального узла в целом, а не через изолированные национальные показатели. В таком ракурсе российская политика предстает прежде всего как стратегия институционального удержания совместимости инфраструктуры и правил, тогда как китайская линия – как стратегия расширения транспортной и инвестиционной связанности под собственные долгосрочные потребности.

Методологически исследование строится на сочетании сравнительного политико-экономического анализа, анализа стратегических документов и кейс-метода. Сравнительный политико-экономический анализ нужен для сопоставления двух моделей внешнего присутствия: российской, опирающейся на накопленный институциональный ресурс, энергетическую дипломатию и исторически сложившуюся техническую связанность постсоветского пространства, и китайской, базирующейся на инвестиционной емкости, инфраструктурном строительстве и долгосрочном обеспечении внутреннего спроса. Анализ стратегических документов необходим для восстановления официальной логики обеих сторон: в российском массиве ключевое место занимают Доктрина энергетической безопасности 2019 г. и Энергетическая стратегия до 2050 г.⁹, в китайском – Белая книга «Энергетика в новую эру Китая»¹⁰, где международное сотрудничество рассматривается как часть устойчивости национального снабжения. Кейс-метод нужен для проверки общих выводов на материале конкретных стран и проектов.

В качестве основных страновых кейсов целесообразно брать Казахстан, Узбекистан и Туркменистан. Подобная выборка охватывает три раз-

⁸ Zhumanov A., Kegenbekov Z., Tolujevs J. Trans-Caspian International Transport Route Infrastructure Assessment Using Simulation Modelling // *Transport and Telecommunication*. – 2024. – Vol. 25, № 1. – P. 11–19. – DOI: 10.2478/ttj-2024-0002.

⁹ Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2050 года // Министерство энергетики Российской Федерации. – URL: <https://minenergo.gov.ru/ministry/energy-strategy> (дата обращения: 26.02.2026).

¹⁰ Energy in China's New Era // The State Council Information Office of the People's Republic of China. – URL: www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2020n/202207/t20220704_130662.html (дата обращения: 26.02.2026).

личные конфигурации регионального участия: крупную ресурсную базу с развитой экспортной инфраструктурой, крупный внутренний рынок с высокой чувствительностью к балансам снабжения и государство, для которого газовый экспорт образует центральный канал внешнеэкономической связи. Киргизия и Таджикистан вводятся в анализ в дополнительном режиме – прежде всего как зоны электроэнергетической уязвимости, сезонного дефицита и зависимости от межгосударственного согласования режимов поставок. Подобное построение выборки создает возможность проследить, как одна и та же региональная политика действует в разных институциональных и ресурсных условиях. Для проверки выводов требуется сопоставление правовых документов, официальных заявлений, статистики международных организаций и отраслевой отчетности.

Энергетический потенциал Китая и России в Центральной Азии

Энергетический потенциал России в Центральной Азии нередко редуцируется до «наследия» советской инфраструктуры, хотя практики 2023–2025 гг. показывают иной профиль: роль России все больше определяется способностью оперативно поддерживать региональные балансы – в газе и в электроэнергии – при изменении спроса и при инфраструктурных сбоях. Подобная способность складывается из трех элементов. Первый связан с магистральной инфраструктурой и опытной эксплуатацией больших сетей. Второй задается присутствием российских компаний в добыче и переработке региона, что превращает часть поставок в продукт совместной производственной цепочки. Третий элемент образуют институциональные режимы, формализующие правила торговли и транзита на пространстве евразийской интеграции¹¹.

Наиболее точный индикатор инфраструктурного и ресурсного потенциала связан с газовым балансом и с реверсом потоков в направлении Узбекистана. «Газпром» в годовом отчете за 2024 г. публикует объем поставок газа по магистрали «Средняя Азия – Центр» в Узбекистан: 1,28 млрд м³ в 2023 г. и 5,64 млрд м³ в 2024 г.¹² Данные показывают переход от пилотного режима к устойчивому каналу снабжения, который опирается на существующую сеть и на транзитные согласования с соседями, сохраняя работоспособность магистральной системы в условиях изменившейся конфигурации регионального спроса.

¹¹ Алимов Б.Х., Рахимов К.Х., Скулков К.И. Энергетическое сотрудничество России со странами Центральной Азии (на примере Таджикистана и Узбекистана) // Постсоветские исследования. – 2023. – № 7 (6). – С. 821–830.

¹² Годовой отчет ПАО «Газпром» за 2024 год // Официальный сайт ПАО «Газпром». – URL: <https://www.gazprom.ru/t/posts/44/479056/gazprom-annual-report-2024-ru.pdf> (дата обращения: 26.02.2026).

Коммерческая рамка поставок фиксировалась публично через контракт на 9 млн м³ в сутки, эквивалентный почти 2,8 млрд м³ в год, заключенный в 2023 г. и связанный узбекской стороной с прохождением осенне-зимнего периода и ростом внутренней потребности¹³. Переход от контрактной величины к фактическим объемам 2024 г. показывает, что российский потенциал в регионе выражается как в «наличии газа», так и в инфраструктурной способности наращивать поставки, не меняя географию маршрута и не создавая новый экспортный коридор.

Производственно-технологический компонент российской линии на юге Центральной Азии раскрывается через добычу и переработку. «Лукойл» сообщает о накопленной добыче 100 млрд м³ газа на проектах в Узбекистане (с 2004 г.), а также о развитии инфраструктуры, ориентированной на переработку сероводородсодержащего газа¹⁴. Публичные заявления о долгосрочных инвестициях и о накопленной добыче в более поздний период дают основание трактовать присутствие компании как фактор устойчивости поставок, поскольку часть объема газа превращается в результат совместного производственного цикла, а не в «разовую» торговую операцию.

Электроэнергетический блок российской линии проявляется через факт регулярных перетоков и через способность компенсировать дефициты в национальных системах региона. В статистике Казахстана такая зависимость читается напрямую. Казахстан, по данным обзора рынка Samruk Energy, нарастил импорт электроэнергии из России с 2,21 млрд кВт•ч в 2023 г. до 4,33 млрд кВт•ч в 2024 г.; экспорт Казахстана при этом составил 1,73 млрд кВт•ч в 2023 г. и 2,70 млрд кВт•ч в 2024 г., включая направление в Россию¹⁵. Цифры указывают на практическое использование межсистемной связности для балансировки, где энергетическая безопасность выражается в возможности закрывать дефицит за счет перетоков, а региональная политика – в устойчивости взаимно согласованных режимов такой поддержки.

Институциональный слой российской линии связан с нормами и процедурами ЕАЭС и деятельностью Евразийской экономической комиссии (ЕЭК). Раздел XX Договора о ЕАЭС закрепляет поэтапное формирование общих рынков электроэнергии, газа, нефти и нефтепродуктов, включая индикативные балансы и принципы доступа к инфраструктуре; концепции и программы по общим рынкам детализируют цели и про-

¹³ Узбекистан подписал с Россией договор на два года на покупку газа // ТАСС. – 19.06.2023. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/18055491> (дата обращения: 26.02.2026).

¹⁴ Добыча газа «Лукойлом» на проектах в Узбекистане достигла ста миллиардов кубометров // Официальный сайт «Лукойл». – URL: <https://lucoil.ru/PressCenter/Pressreleases/Pressrelease/dobycha-gaza-lukoilom-na-proektakh-v-uzbekistane> (дата обращения: 26.02.2026).

¹⁵ Обзор рынка электроэнергии и угля в Казахстане // Samruk Energy. – URL: <https://ar2024.samruk-energy.kz/ru/kazakhstan-power-and-coal-markets.html> (дата обращения: 26.02.2026).

цедуры формирования правил торговли и доступа. В энергетической безопасности подобные документы значимы как «процедурный слой», снижающий транзакционные риски и задающий единый язык доступа, транзита и балансов.

Китайская энергетическая линия в Центральной Азии определяется внутренним спросом, диверсификацией импорта и инфраструктурным финансированием, формирующим долгосрочные маршруты поставок. В Белой книге «Энергетика в новую эру Китая» фиксируется стратегический подход к устойчивости снабжения через модернизацию энергетики и расширение международного сотрудничества, рассматриваемого как способ управления рисками и обеспечения стабильного развития. Документ важен не сам по себе, а как рамка, объясняющая, почему Центральная Азия рассматривается Пекином как источник «трубопроводной устойчивости», дополняющей морские маршруты и рынок СПГ.

Системообразующий актив китайского потенциала – коридор «Центральная Азия – Китай», закрепляющий физическую зависимость поставок от трубопроводной связности региона с Синьцзяном. Китайская национальная нефтегазовая корпорация (China National Petroleum Corporation – CNPC) указывает, что действующие линии коридора обеспечивают пропускную способность порядка 55 млрд м³ в год, а ввод линии D рассматривается как условие выхода на 85 млрд м³ в год¹⁶. Стратегическое значение линии D дополнительно закреплялось политически: в программной речи председателя КНР на саммите «Китай – Центральная Азия» содержится призыв ускорить строительство линии D и расширять торговлю нефтью и газом в увязке с кооперацией по всей производственной цепочке и по новым источникам энергии¹⁷.

Газовый аспект китайского потенциала проявляется в пропускной способности и в структурировании экспортных стратегий производителей региона. Аналитика Оксфордского института энергетических исследований по монетизации газа в Туркменистане фиксирует, что поставки в Китай выросли с 21,3 млрд м³ в 2012 г. до 32,9 млрд м³ в 2022 г., достигнув 81% экспортного объема; при этом указывалась недоиспользованная транспортная мощность коридора в 2023 г.¹⁸ Логика параметров проста: наличие коридора не гарантирует роста добычи и экспорта, однако создает

¹⁶ Flow of natural gas from Central Asia // CNPC. – URL: <https://www.cnpc.com.cn/en/FlowofnaturalgasfromCentralAsia/FlowofnaturalgasfromCentralAsia2.shtml> (дата обращения: 26.02.2026).

¹⁷ Си Цзиньпин предложил расширить торговлю нефтью и газом с Центральной Азией // РИА Новости. – 19.05.2023. – URL: <https://ria.ru/20230519/kitay-1872804589.html> (дата обращения: 26.02.2026).

¹⁸ Turkmenistan: The gas monetization challenge // Oxford Institute for Energy Studies. – URL: <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2024/09/Turkmenistan-The-gas-monetization-challenge.pdf> (дата обращения: 26.02.2026).

структурный «якорь» для экспортной ориентации, превращая китайский спрос в главный ориентир отраслевой политики экспортера.

Нефтяной сегмент китайского потенциала опирается на физически независимый от российских портов маршрут импорта из Казахстана. Ветка Атасу – Алашанькоу имеет проектную мощность 20 млн тонн в год, что подтверждалось вводом новых насосных станций. Маршрут не перекрывает по масштабу экспорт Казахстана через Черное море, однако меняет структуру рисков: часть экспорта превращается в поставки по сухопутному «короткому» плечу, исключая морскую перевалку и часть судовых рисков¹⁹.

Финансовый ресурс китайского потенциала проявляется через кредитные схемы в инфраструктурных проектах, повышая скорость реализации при сложной горной географии. Примером служит зафиксированное AidData кредитное соглашение на 300 млн долларов по линии D, заключенное в 2014 г. между «Trans-Asia Gas Pipeline» и таджикской стороной с длительным сроком погашения и льготным периодом²⁰. Подобные схемы влияют на энергетическую безопасность двойственно: финансирование ускоряет появление инфраструктуры, а долговые условия, графики платежей и режимы доступа к объектам становятся частью политики, требуя устойчивых межгосударственных договоренностей.

Российская академическая литература, анализируя китайские транспортно-энергетические интересы в Центральной Азии, обращает внимание на то, что китайская активность формируется вокруг коридоров и инвестиций, тесно связанных с экспортом сырья и с логистикой²¹. В работах о российско-китайских интересах в регионе акцент делается на том, что противоречия не носят фатального характера при условии учета интересов государств Центральной Азии и поддержания согласованных правил транзита и доступа²². Данный вывод важен для заявленной гипотезы: если энергетическая безопасность нуждается в устойчивых правилах, то конкуренция коридоров становится управляемой через региональные процедуры, а не через силовое давление.

Региональная энергетическая безопасность Центральной Азии формируется в зоне пересечения трех задач: сохранение экспортных доходов

¹⁹ Нефтепровод Атасу – Алашанькоу выходит на полную мощность // Казахстанско-Китайский Трубопровод. – 2025. – URL: https://kcp.kz/news/nefteprovod_atasu_alashankou_vy?language=ru (дата обращения: 26.02.2026).

²⁰ Trans-Asia Gas Pipeline (Hong Kong) Company Limited provides \$300 million loan for Line D of the Central Asia-China Gas Pipeline Project // AidData. – URL: <https://china.aiddata.org/projects/39955/> (дата обращения: 26.02.2026).

²¹ Матвеев В.А. Современная энергетическая политика Китая: внешние и внутренние вызовы: монография. – Москва: ИДВ РАН, 2022. – 168 с.

²² Еникеев Ш.М., Чжаосин И. Динамика энергетической политики России и Китая в Центральной Азии // Евразийские исследования. – 2024. – № 2 (2). – С. 17–36. – DOI: 10.48647/ICCA.2024.68.24.003

(для Казахстана и Туркменистана), удержание внутреннего газового и электроэнергетического баланса (для Узбекистана), управление сезонной гидрологической неопределенностью (для Киргизии и Таджикистана). Подобная конфигурация придает государствам региона субъектность выбора, поскольку внешние партнеры становятся элементами портфеля, а не единственным «центром притяжения». Существенный индикатор портфельности виден в структуре накопленных инвестиций. По данным Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД; UN Trade and Development – UNCTAD), объем накопленных прямых иностранных инвестиций по состоянию на 2023 г. составил: в Казахстане – 157,198 млрд долл., в Туркменистане – 42,915 млрд долл., в Узбекистане – 14,804 млрд долл., в Киргизии – 3,81 млрд долл., в Таджикистане – 3,333 млрд долл.²³ Масштаб накопленных капиталов указывает на устойчивое присутствие множества внешних акторов в экономике региона, включая энергетику и инфраструктуру.

Казахстанский нефтяной сектор создает ключевой поток экспортной ренты, превращая транзит в центральный элемент энергетической безопасности. Управление энергетической информации США в региональном анализе по Каспийскому морю оценивает доказанные нефтяные запасы Казахстана в 30 млрд барр. на 1 января 2025 г. и фиксирует добычу сырой нефти (без конденсата) 1,5 млн барр./сутки в 2024 г.²⁴ Связка «запасы – добыча – экспортная инфраструктура» формирует устойчивую зависимость фискальной стабильности от непрерывности транзита, снижая автономность национальной политики от режима работы трубопроводов и терминалов.

Транзитная архитектура Казахстана в нефтяном сегменте в значительной мере концентрируется вокруг Каспийского трубопроводного консорциума (КТК). По сообщению о работе морского терминала отгрузки в 2024 г. составила 63,009 млн т нефти; указывалась транспортная способность системы примерно 72,5 млн т в год с казахстанской территории²⁵. Масштаб потока делает консорциум критическим объектом как для экспортера, так и для региональной политики безопасности, поскольку любой сбой мгновенно превращается в макроэкономический риск.

Газовый сегмент Центральной Азии раскрывает иной тип взаимозависимости. Туркменистан обладает значительными запасами и ориентирован на экспорт, однако экспортная структура высоко концентрирована

²³ World Investment Report 2024 // UNCTAD. – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2024_annex-2_en.pdf (дата обращения: 26.02.2026).

²⁴ Regional Analysis Brief: Caspian Sea // U.S. Energy Information Administration. – URL: https://www.eia.gov/international/content/analysis/regions_of_interest/Caspian_Sea/pdf/Caspian%20Sea%20Regional%20Analysis%20Brief%202025.pdf (дата обращения: 26.02.2026).

²⁵ КТК в 2024 году отгрузил на экспорт с терминала 63 млн тонн нефти // ТАСС. – 2025. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/22873993> (дата обращения: 26.02.2026).

на китайском направлении, что усиливает зависимость от ценовых формул и от графика расширения трубопроводной инфраструктуры. Одновременно Узбекистан столкнулся с дефицитами и в 2023 г. перешел к импорту газа из России по коммерческому контракту, публично связав поставки с прохождением зимнего сезона. Переплетение экспортной моноканальности туркменского газа и импортной потребности Узбекистана формирует пространство для «внутрирегиональной» переразметки потоков, где внешняя политика превращается в компонент сезонной устойчивости.

Электроэнергетическая безопасность Центральной Азии особенно чувствительна к сезонности из-за высокой доли гидрогенерации в верховьях. Киргизия и Таджикистан, по данным МЭА, имеют доминирование гидроэнергетики в производстве электроэнергии: 87%²⁶ и 94%²⁷ соответственно в 2023 г. Подобная структура снижает углеродный след, однако усиливает риск зимнего дефицита при маловодье, делая критически важными межсистемные перетоки и режимы торговли с соседями, обладающими тепловой генерацией на газе и угле.

В целом водно-энергетическая связка в Центральной Азии выступает самостоятельной осью безопасности: конфликты по режимам водопользования синхронно затрагивают графики выработки гидроэнергии, сельское хозяйство и социальную стабильность. В подобных условиях энергетическая безопасность перестает быть «топливной» категорией и превращается в интегральную проблему управления инфраструктурой, ресурсами и межгосударственными соглашениями²⁸.

Проверка тезиса о достаточности региональной политики должна опираться на анализ тех участков системы, где риски носят системный характер и где устойчивость можно оценить по способности сохранять рабочий режим в условиях внешнего или внутреннего шока. В Центральной Азии такими участками выступают, прежде всего, нефтяной транзит Казахстана по маршруту КТК, газовый баланс Узбекистана в условиях растущего внутреннего спроса и сезонные диспропорции электроэнергетики в странах с высокой зависимостью от гидрогенерации. Природа угроз в каждом случае различна. Однако во всех ситуациях решающим фактором устойчивости выступает наличие согласованных межгосударственных механизмов. Региональная политика в подобной конфигурации превращает объективную взаимозависимость государств в систему формализованных правил, процедур координации и согласованных решений,

²⁶ Kyrgyzstan // International Energy Agency. – URL: <https://www.iea.org/countries/kyrgyzstan/electricity> (дата обращения: 26.02.2026).

²⁷ Tajikistan // International Energy Agency. – URL: <https://www.iea.org/countries/tajikistan/electricity> (дата обращения: 26.02.2026).

²⁸ Есемуратов Х. Политика государств Центральной Азии в решении водно-энергетических проблем региона // Культура и природа политической власти: теория и практика: сборник научных трудов. – Екатеринбург: УрГПУ, 2023. – С. 410–414.

снижая вероятность того, что локальный сбой приведет к масштабному разрыву поставок или к дестабилизации всего узла.

В случае нефтяного транзита Казахстана проверкой устойчивости служит способность системы сохранять экспортные поставки при возникновении аварийных ситуаций и политико-технических инцидентов на инфраструктуре. Ключевое значение имеет консорциальная модель управления КТК, в которой участие нескольких государств и компаний сочетается с жестко регламентированными процедурами эксплуатации и реагирования на внештатные ситуации. В 2025 г. в публичном поле обсуждалась атака на насосную станцию и необходимость ремонта оборудования, зависимого от западных поставщиков, при этом официальные сообщения фиксировали отсутствие нарушений графика отгрузки и намерение перераспределять потоки на период восстановительных работ²⁹. Подобная устойчивость отражает не «автоматизм рынка», а согласованность действий участников и наличие процедур, поддерживающих транзит как региональный приоритет.

В узбекском случае задача состояла в обеспечении внутреннего снабжения в условиях ускоренного роста потребления и одновременного сокращения экспортного потенциала. Публично объявленная контрактная рамка импорта в объеме 2,8 млрд м³ в год рассматривалась как инструмент частичного покрытия растущего спроса и прохождения зимнего максимума нагрузки. Однако фактические объемы поставок, отраженные в отчетности ПАО «Газпром», достигли 5,64 млрд м³ в 2024 г. Увеличение по сравнению с изначально заявленной величиной указывает на гибкость принятых решений. В газовом сегменте были задействованы одновременно несколько уровней координации: коммерческий контракт, межгосударственные договоренности по транзиту, а также техническая адаптация магистральной системы к реверсному режиму. Рост поставок сверх первоначально объявленных параметров следует рассматривать как показатель управляемости в условиях дефицита. Расширение импорта стало результатом согласованных действий сторон и оперативной корректировки транспортных режимов, что позволило поддержать внутренний баланс и снизить риски перебоев в период пикового спроса.

Электроэнергетическая безопасность в гидрозависимых странах выявляет пределы двусторонних контрактов и повышает значимость межсистемной связности и многосторонних механизмов. В конце 2025 г. сообщалось о введении ограничений потребления электроэнергии в Таджикистане на фоне низкой водности и падения уровня водохранилищ,

²⁹ Caspian pipeline oil exports on schedule, Kazakhstan says // Reuters. – 2025. – URL: <https://www.reuters.com/business/energy/caspian-pipeline-oil-exports-schedule-kazakhstan-says-2025-02-26/> (дата обращения: 26.02.2026).

сопровождавшихся поиском импорта из соседних стран региона³⁰. Одновременно МЭА фиксирует, что Таджикистан восстановил подключение к ОЭС ЦА (Объединенная энергосистема Центральной Азии) в 2018 г. и возобновил торговлю электроэнергией с Узбекистаном³¹, что создает институционально-техническую основу для перетоков при сезонных дефицитах. Сопоставление двух ситуаций показывает, что устойчивость электроэнергетики в регионе определяется не столько наличием собственных топливных ресурсов, сколько степенью интеграции сетей и готовностью государств использовать механизмы параллельной работы энергосистем для покрытия временных разрывов между производством и потреблением.

Многосторонняя рамка региональной политики фиксируется по линии ШОС. В документах 2025 г. присутствует заявление по устойчивому развитию энергетики с отсылками к стратегии энергетического сотрудничества до 2030 г.³²; декларируются расширение взаимовыгодного сотрудничества, устойчивость цепочек снабжения, поддержка стабильного и недискриминационного мирового энергетического рынка³³. Текст подобного рода не заменяет контрактов и сетевых режимов, однако выполняет функцию политической «связки», повышая предсказуемость ожиданий и создавая легитимный язык координации, особенно при кризисах, где односторонние решения способны вызвать каскадные эффекты.

Евразийская интеграция дополняет рамку ШОС процедурной конкретикой, связывая безопасность с правилами доступа и с согласованием балансов. Концепции ЕАЭС по общему электроэнергетическому рынку³⁴ и по общему рынку газа³⁵ раскрывают технологические и организационные предпосылки торговли, включая параллельную работу энергосистем и

³⁰ Tajikistan rations power as dry autumn hits hydroelectric plants // Reuters. – 2025. – URL: <https://www.reuters.com/business/energy/tajikistan-rations-power-dry-autumn-hits-hydroelectric-plants-2025-12-02/> (дата обращения: 26.02.2026).

³¹ Opportunities for electricity trade // International Energy Agency. – URL: <https://www.iea.org/reports/cross-border-electricity-trading-for-tajikistan-a-roadmap/opportunities-for-electricity-trade> (дата обращения: 26.02.2026).

³² Решение Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества об утверждении Стратегии развития энергетического сотрудничества государств – членов Шанхайской организации сотрудничества на период до 2030 года // Официальный сайт ШОС. – 04.07.2024. – URL: <https://rus.sectsco.org/images/07e8/0b/15/1599068.pdf> (дата обращения: 26.02.2026).

³³ Заявление Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества по устойчивому развитию энергетики // Официальный сайт ШОС. – 01.09.2025. – URL: <https://rus.sectsco.org/20250901/1982218.html> (дата обращения: 26.02.2026).

³⁴ О Концепции формирования общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза // Официальный сайт ЕАЭС. – URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/c0d/Kontseptsiya-OER-Soyuza.pdf> (дата обращения: 26.02.2026).

³⁵ О Концепции формирования общего рынка газа Евразийского экономического союза // Официальный сайт ЕАЭС. – URL: https://docs.eaeunion.org/upload/iblock/e48/290tzmcdm_psumnw8tn48uo7n3b7akf/scd_01062016_7_doc.pdf (дата обращения: 26.02.2026).

правила формирования рынка на основе договорных процедур. В исследовательской оптике подобная институциональная детализация важна как механизм снижения неопределенности: чем точнее правила доступа и расчетов, тем ниже вероятность конфликтного «запирания» инфраструктуры при стрессе.

Пределы достаточности региональной политики задаются технологическими и финансовыми зависимостями, выходящими за пределы региона. Российская Доктрина энергетической безопасности относит к угрозам внешние ограничительные меры и противодействие проектам, а также технологическую зависимость от зарубежного оборудования. В центральноазиатском контуре подобные угрозы проявляются в сервисных цепочках ремонта и модернизации трубопроводных станций и терминалов, где доступ к специфическим комплектующим становится фактором энергетической безопасности экспортеров и транзитеров.

Второй предел связан с асимметрией спроса и с рисками монополии покупателя. Газовый экспорт Туркменистана в Китай, достигший в 2022 г. 81% экспортных объемов, повышает зависимость от переговоров по цене и по условиям расширения коридора. Наличие недоиспользованной транспортной мощности в 2023 г. при сохранении такой структуры экспорта указывает, что инфраструктура не равна безопасности: безопасность определяется сочетанием добычных возможностей, инвестиционного доступа и ценовой формулы, задающей стимулы к росту добычи.

Третий предел задается климатическими и водными рисками. Высокая доля гидрогенерации в Киргизии и Таджикистане усиливает вероятность зимних дефицитов при маловодье, превращая импорт электроэнергии и развитие межсистемных перетоков в элемент социальной устойчивости. Климатические и ресурсные ограничения усиливают конфликт интересов верховьев и низовьев, провоцируя попытки пересмотра режимов водопользования и ставя под давление региональные энергетические соглашения, построенные на сезонных обменах.

* * *

Таким образом, анализ показывает, что энергетическая безопасность Центральной Азии формируется в пространстве инфраструктурной связанности и институциональной координации, где российский и китайский потенциалы функционируют как взаимодополняющие элементы региональной системы. Российская модель усиливает устойчивость через поддержание сетевой совместимости, газовых поставок и процедур евразийской интеграции, тогда как китайская модель закрепляет долгосрочную трубопроводную связанность и инвестиционную емкость коридоров. Проверка на материале нефтяного транзита Казахстана, газового баланса Узбекистана и электроэнергетических перетоков гидрозависимых стран показывает, что при наличии согласованных правил доступа, транзита и

балансировки регион способен сохранять работоспособность даже в условиях внешних ограничений, технологических барьеров и климатической неопределенности. Пределы эффективности региональной политики определяются финансовыми и технологическими зависимостями, однако именно качество межгосударственных процедур и совместимость инфраструктуры выступают основой управляемости энергетических потоков и снижения системных рисков.

Список источников и литературы

1. Алимов Б.Х., Рахимов К.Х., Скулков К.И. Энергетическое сотрудничество России со странами Центральной Азии (на примере Таджикистана и Узбекистана) // Постсоветские исследования. – 2023. – № 7 (6). – С. 821–830.
2. Годовой отчет ПАО «Газпром» за 2024 год // Официальный сайт ПАО «Газпром». – URL: <https://www.gazprom.ru/f/posts/44/479056/gazprom-annual-report-2024-ru.pdf> (дата обращения: 26.02.2026).
3. Добыча газа «Лукойлом» на проектах в Узбекистане достигла ста миллиардов кубометров // Официальный сайт «Лукойл». – URL: <https://lukoil.ru/PressCenter/Pressreleases/Pressrelease/dobycha-gaza-lukoilom-na-proektakh-v-uzbekistane> (дата обращения: 26.02.2026).
4. Договор о Евразийском экономическом союзе // Министерство экономического развития Российской Федерации. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/2bbbf9ae33443d533d855bf2225707e/Dogovor_ees.pdf (дата обращения: 26.02.2026).
5. Доктрина энергетической безопасности Российской Федерации // Министерство энергетики Российской Федерации. – URL: <https://minenergo.gov.ru/ministry/energy-security-doctrine> (дата обращения: 26.02.2026).
6. Еникеев Ш.М., Чжаосин И. Динамика энергетической политики России и Китая в Центральной Азии // Евразийские исследования. – 2024. – № 2 (2). – С. 17–36. – DOI: 10.48647/ISSA.2024.68.24.003
7. Есемуратов Х. Политика государств Центральной Азии в решении водно-энергетических проблем региона // Культура и природа политической власти: теория и практика: сборник научных трудов. – Екатеринбург: УрГПУ, 2023. – С. 410–414.
8. Жизнин С.З. Основы энергетической дипломатии: учеб. пособие. – Москва: МГИМО-Университет, 2017. – 158 с.
9. Заявление Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества по устойчивому развитию энергетики // Официальный сайт ШОС. – URL: <https://rus.sectsko.org/20250901/1982218.html> (дата обращения: 26.02.2026).
10. КТК в 2024 году отгрузил на экспорт с терминала 63 млн тонн нефти // ТАСС. – 2025. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/22873993> (дата обращения: 26.02.2026).

11. Маркова Е.А. Энергетическая политика стран Центральной Азии: основные итоги. Проблемы постсоветского пространства. – 2020. – № 7 (3). – С. 365–372. – DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-3-365-372>.
12. Матвеев В.А. Современная энергетическая политика Китая: внешние и внутренние вызовы: монография. – Москва: ИДВ РАН, 2022. – 168 с.
13. Нефтепровод Атасу – Алашанькоу выходит на полную мощность // Казахстанско-Китайский Трубопровод. – 15.12.2025. – URL: https://kcp.kz/news/nefteprovod_atasu_alashankou_vy?language=ru (дата обращения: 26.02.2026).
14. О Концепции формирования общего рынка газа Евразийского экономического союза // Официальный сайт ЕАЭС. – URL: https://docs.eaeunion.org/upload/iblock/e48/290tzmcdmpsumnw8ttm48uo7n3b7akf/scd_01062016_7_doc.pdf (дата обращения: 26.02.2026).
15. О Концепции формирования общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза // Официальный сайт ЕАЭС. – URL: <https://ees.eaeunion.org/upload/medialibrary/c0d/Kontseptsiya-OER-Soyuza.pdf> (дата обращения: 26.02.2026).
16. О Шанхайской организации сотрудничества // Официальный сайт ШОС. – URL: <https://rus.sectesco.org/20151208/16789.html> (дата обращения: 26.02.2026).
17. Обзор рынка электроэнергии и угля в Казахстане // Samruk Energy. – URL: <https://ar2024.samruk-energy.kz/ru/kazakhstan-power-and-coal-markets.html> (дата обращения: 26.02.2026).
18. Решение Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества об утверждении Стратегии развития энергетического сотрудничества государств – членов Шанхайской организации сотрудничества на период до 2030 года // Официальный сайт ШОС. – URL: <https://rus.sectesco.org/images/07e8/0b/15/1599068.pdf> (дата обращения: 26.02.2026).
19. Си Цзиньпин предложил расширить торговлю нефтью и газом с Центральной Азией // РИА Новости. – 2023. – URL: <https://ria.ru/20230519/kitay-1872804589.html> (дата обращения: 26.02.2026).
20. Узбекистан подписал с Россией договор на два года на покупку газа // ТАСС. – 2023. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/18055491> (дата обращения: 26.02.2026).
21. Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2050 года // Министерство энергетики Российской Федерации. – URL: <https://minenergo.gov.ru/ministry/energy-strategy> (дата обращения: 26.02.2026).
22. Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 564 p.
23. Caspian pipeline oil exports on schedule, Kazakhstan says // Reuters. – 26.02.2025. – URL: <https://www.reuters.com/business/energy/caspian-pipeline-oil-exports-schedule-kazakhstan-says-2025-02-26/> (дата обращения: 26.02.2026).
24. Energy in China's New Era // The State Council Information Office of the People's Republic of China. – URL: www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2020n/202207/t20220704_130662.html (дата обращения: 26.02.2026).

25. Energy system // International Energy Agency. – URL: <https://www.iea.org/energy-system> (дата обращения: 26.02.2026).
26. Flow of natural gas from Central Asia // CNPC. – URL: <https://www.cnpc.com.cn/en/FlowofnaturalgasfromCentralAsia/FlowofnaturalgasfromCentralAsia2.shtml> (дата обращения: 26.02.2026).
27. Kyrgyzstan // International Energy Agency. – URL: <https://www.iea.org/countries/kyrgyzstan/electricity> (дата обращения: 26.02.2026).
28. Opportunities for electricity trade // International Energy Agency. – URL: <https://www.iea.org/reports/cross-border-electricity-trading-for-tajikistan-a-roadmap/opportunities-for-electricity-trade> (дата обращения: 26.02.2026).
29. Regional Analysis Brief: Caspian Sea // U.S. Energy Information Administration. – URL: https://www.eia.gov/international/content/analysis/regions_of_interest/Caspian_Sea/pdf/Caspian%20Sea%20Regional%20Analysis%20Brief%202025.pdf (дата обращения: 26.02.2026).
30. Tajikistan // International Energy Agency. – URL: <https://www.iea.org/countries/tajikistan/electricity> (дата обращения: 26.02.2026).
31. Tajikistan rations power as dry autumn hits hydroelectric plants // Reuters. – 02.12.2025. – URL: <https://www.reuters.com/business/energy/tajikistan-rations-power-dry-autumn-hits-hydroelectric-plants-2025-12-02/> (дата обращения: 26.02.2026).
32. Trans-Asia Gas Pipeline (Hong Kong) Company Limited provides \$300 million loan for Line D of the Central Asia-China Gas Pipeline Project // AidData. – URL: <https://china.aiddata.org/projects/39955/> (дата обращения: 26.02.2026).
33. Turkmenistan: The gas monetization challenge // Oxford Institute for Energy Studies. – URL: <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2024/09/Turkmenistan-The-gas-monetization-challenge.pdf> (дата обращения: 26.02.2026).
34. World Investment Report 2024 // UNCTAD. – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2024_annex-2_en.pdf (дата обращения: 26.02.2026).
35. Zhumanov A., Kegenbekov Z., Tolujevs J. Trans-Caspian International Transport Route Infrastructure Assessment Using Simulation Modelling // Transport and Telecommunication. – 2024. – Vol. 25, № 1. – P. 11–19. – DOI: 10.2478/ttj-2024-0002.